

088

ПОЦЕЛУЙ

КАРА КОЛТЕР

Луч солнца на цветных стеклах

 HARLEQUIN® KISS™

Поцелуй – Harlequin

Кара Колтер

Луч солнца на цветных стеклах

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Колтер К.

Луч солнца на цветных стеклах / К. Колтер — «Центрполиграф»,
2015 — (Поцелуй – Harlequin)

Поженившись после окончания университета, Кейд и Джессика были уверены, что сделают друг друга счастливыми. Кейд, быстро продвигаясь по карьерной лестнице, обеспечивал семью, Джессика, полностью посвятив себя мужу, старалась создать идеальный дом, мечтая о ребенке. Но вскоре появились первые проблемы. Кейда стали тяготить правила безупречной семьи, навязываемые женой, и он все чаще стал задерживаться на работе, где все было отлично. А Джессика после двух выкидышей никак больше не могла забеременеть. Расставшись, через год Джессика решает взять приемного ребенка и встречается с Кейдом, чтобы оформить развод... Неожиданно все проблемы решаются сами собой...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

© Колтер К., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кара Колтер

Луч солнца на цветных стеклах

The Pregnancy Secret

Copyright © 2015 by Cara Colter

«Луч солнца на цветных стеклах»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

Приближаясь к тому месту, куда шел без всякого энтузиазма, Кейд Бреннан вдруг смутно ощутил, что случилось что-то плохое.

Очень плохое.

Он не слышал воя сирен, но заметил зловещее мигание длинных красно-синих ламп на крышах полицейских машин. Они резко контрастировали с кристально чистым утренним светом, поникавшим сквозь первую зелень едва распустившейся весенней листвы огромных пирамидальных тополей, которые росли по берегам реки Боу.

Заглушая гул ее по-весеннему бурных вод, радостное щебетание птиц и шум просыпавшейся утренней автодороги, до Кейда донеслись характерные звуки раций, работавших на авариной частоте. Механический женский голос передавал какой-то непонятный код. Похоже, где-то среди этого скопления машин находится «скорая помощь».

Кейд побежал, лавируя между машинами, и пересек Мемориал-Драйв в направлении улицы, где располагались жилые дома.

Это был один из тех красивых, как на картинке, кварталов Калгари, которые выглядели так, словно здесь никогда не может случиться ничего плохого. Значительную часть квартала составляли дома в стиле старинных ремесленных мастерских, многие из которых теперь превратились в офисы процветающих компаний по строительству коттеджей. Под сенью раскидистых крон старых деревьев виднелись лавка по продаже органических продуктов, антикварный, обувной и художественный магазинчики.

Еще более привлекательным этот район делало то, что по пешеходному мосту через реку, которым воспользовался Кейд, можно было легко попасть в деловой центр города. Правда, сейчас картинное очарование этого благополучного района нарушали полицейские машины и толпа зевак.

Проталкиваясь сквозь них, Кейд прислушивался к обрывкам разговоров.

– Что случилось?

– Понятия не имею. Но раз уж приехала полиция, наверняка что-то плохое.

– Неужели убийство? – Говоривший не мог скрыть радостного возбуждения оттого, что его обыденный поход на работу прерван столь волнующим образом.

Кейд бросил на него мрачный взгляд и пошел вперед еще быстрее, пробегая глазами по номерам домов, пока не нашел того, который искал. Он двинулся напрямик к нему.

– Сэр, – мужчина в форме преградил ему путь, – дальше нельзя.

Кейд не обратил внимания на его слова, но тут ощутил на плече твердую руку.

Он нетерпеливо сбросил ее.

– Я ищу мою жену. – Строго говоря, это было не совсем так. Во всяком случае, в последнее время.

«Кейд, – говорила ему Джессика по телефону прошлым вечером, – мы должны поговорить о разводе». Он не виделся с ней больше года. Она дала ему этот адрес, и Кейд шел сюда из своего кондоминиума в центре, с раздражением думая о том, что означает его нежелание идти на эту встречу.

Все определенно слишком сложно, чтобы объяснять это молодому бодрому полицейскому, преградившему ему путь.

– Ее зовут Джессика Бреннан. – По лицу парня Кейд сразу увидел, что присутствие полицейских машин каким-то образом связано с ней.

«*Нем!* – голосом раненого волка беззвучно взвыло что-то внутри. – *Нем!*»

Точно такой же крик Кейд еле сдержал вчера, когда услышал слово *развод*. «Значит, она все же хочет развестись», – сказал он себе, повесив трубку.

Лежа ночью без сна, он старался убедить себя в том, что так будет лучше для них обоих. Но, судя по реакции на то, что полицейские машины имели какое-то отношение к Джессике, он понял, какой ложью была попытка уговорить себя в том, что ему все равно.

– Думаю, с ней все в порядке. К ней кто-то вломился и, как я понял, ранил ее. Но жизнь вне опасности.

Джессика ранил грабитель? Кейд едва уловил слова о том, что рана не опасна. Его охватил приступ бессильной ярости.

– Она в порядке, – повторил молодой коп. – Идите вон туда.

Кейду не понравилось, что приступ ярости так явно отразился на его лице, а коп попытался его успокоить.

Он потратил несколько секунд, пытаясь взять себя в руки, чтобы Джессика ничего не заметила. Потом поднял голову и посмотрел в том направлении, куда ему указали. По обеим сторонам решетчатых ворот росли два одинаковых благоухавших куста цветущих белых лилий. За воротами стоял именно такой дом, который всегда хотелось иметь Джессике.

Симпатичный маленький коттедж светло-зеленого цвета в тон окружающей весенней природе. Однако вывеска, прикрепленная к гостеприимному крылечку, говорила о том, что этот дом не жилой.

«Беби бумер» и ниже маленькими буквами: «Все для вашего ребенка».

Джессика дала ему только адрес дома, ни словом не обмолвившись о том, что там.

И Кейд прекрасно понимал почему. На миг он снова ощутил знакомую злость, пересиливавшую даже острый испуг, который немного улегся после того, как молодой коп сказал, что с ней все в порядке. *Черт побери, неужели она никогда не уймется?*

А может, его злило, что новый бизнес так же, как и вчерашний телефонный звонок, подтверждал готовность Джессики двигаться вперед?

Впрочем, нельзя сказать, что Кейд сам не готов двигаться вперед. Собственно говоря, он уже это делал. Его полностью устраивало, как шли дела. За последний год его компания «Ойлфилд Саплайз» достигла впечатляющих высот. Теперь, не отвлекаясь на слишком сложные семейные отношения, он смог полностью сосредоточиться на работе. Результатом стала огромная прибыль. Кейд из тех людей, кому успех приносит настоящее наслаждение. Зато развод никак не вписывался в его представление о себе.

Развод.

Он выставил Кейда перед лицом собственной неудачи, не позволяя игнорировать ее. А может, нет? Возможно, это всего лишь необходимость поставить подпись на листе бумаги, и дело сделано? Конец.

Но разве в таких делах наступает конец? Нет. Он убедился в этом в прошлом году, который провел, упорно стараясь без остатка погрузиться в работу.

Если все кончено, почему он до сих пор носит кольцо? Кейд убеждал себя в том, что это своего рода защита от назойливого внимания со стороны многочисленных особей женского пола, с которыми ему приходилось сталкиваться. Ничего личного. У него не было никакой личной жизни. Однако по работе он ежедневно встречал красивых искушенных и заинтересованных женщин и не желал иметь никаких связанных с этим сложностей.

Кейд вдруг осознал, что ему не хочется, чтобы Джессика увидела у него на пальце кольцо, связывавшее его с ней. Он быстро снял его и сунул в карман.

Сделав глубокий вдох, необходимый бойцу, чтобы противник – с каких это пор Джессика стала его противником? – не смог заметить ни единого признака страха или сомнения, Кейд через одну поднялся по широким свежeverкрашенным ступенькам сливочного цвета.

На фоне сладковатого очарования дома резким диссонансом смотрелись разбитые квадраты распахнутой настежь стеклянной входной двери, делавшие бессмысленным желание закрыть ее.

Войдя, Кейд резко остановился, почувствовав под ногами хруст раздавленных осколков. После яркого утреннего света глаза не сразу привыкли к полумраку. Он входил в мир, пугавший больше, чем обитаемая медвежья берлога.

Это пространство пугало тем, что представляло собой мир, который они с Джессикой с таким трудом пытались создать, но так и не смогли. Мир мягкого приглушенного света и смутных надежд.

Стопки крошечных детских вещичек вызвали воспоминания о спорах, слезах и ощущении отчаяния перед тем, с чем он так и не смог справиться. Никогда.

Он сделал еще один вдох. В комнате находилось несколько человек. Заметив мелькнувшую в центре копну пшеничных волос, Кейд приказал себе не раскисать.

Нельзя, чтобы Джессика увидела, какое впечатление произвело на него ее ранение и дом, наполненный детскими вещами.

К сожалению, чтобы взять себя в руки и подготовиться к встрече с ней, волей-неволей пришлось осмотреться.

Внутренние стены были снесены, превратив внутреннее пространство в одну большую комнату. Оставшиеся стены выкрашены в светло-зеленый цвет, несколько более приглушенный, чем тот, что снаружи.

Пространство объединяло обилие старого, богато украшенного патиной дерева. Ковры и искусно размещенные стеллажи делили его на четыре зоны.

Одна отличалась от другой, тем не менее представляя собой детскую комнату.

В одной доминировала розовая гамма. Розовая кроватка с цветочным рисунком, постельным бельем в розовую полоску и мягким розовым слоном посередине. На пеленальном столике лежало похожее на кукольное розовое платьице в горошек. С потолка на невидимых нитях свисали буквы, составлявшие слово *д-е-в-о-ч-к-а*. Под углом к кроватке стояло подходящее по цвету кресло-качалка.

Следующую зону занимала композиция в светло-голубых тонах. В центре кроватка, но глаз невольно притягивали окружавшие ее мальчишеские предметы. На стеллажах стояли игрушечные поезда, тракторы и грузовики. На старинной вешалке висела крошечная спортивная форма и бейсболки. Там же на связанных шнурах висела пара невероятно маленьких рабочих ботинок.

Очередная детская утопала в белых кружевах, напоминавших подвенечное платье. В стоявшей на полу корзине лежали всевозможные белые игрушки: овечки, полярные медведи и маленькие белые собачки. В последней зоне стояли две предназначенные для близнецов кроватки нежно-желтого цвета, повторявшегося в рисунке постельного белья, абажуров ламп и разных маленьких вещичках.

Кейд стоял, втягивая воздух и прилагая нечеловеческие усилия, чтобы преодолеть острое желание сбежать.

Как могла Джессика устроить все это? Как могла день за днем работать с вещами, ставшими причиной невыносимой душевной боли для нее, для него, для них обоих? Он почувствовал, как злость на нее, поднявшись откуда-то из глубины, заклокотала в груди. Вот *теперь* он готов встретиться с ней лицом к лицу.

Прищурившись, Кейд посмотрел на людей, находившихся в комнате. Они стояли в дальнем конце дома за стойкой, на которой возвышался старинный кассовый аппарат. С чувством, что его крупное мужское тело способно что-нибудь повредить, Кейд быстро прошел мимо четырех детских, стараясь ни до чего не дотрагиваться, даже, по возможности, не дышать, и двинулся в конец помещения, стараясь придать своим шагам уверенность, которой не чувствовал.

Впрочем, в этом не было необходимости, потому что в тот момент, когда он подошел к двери склада, Джессика никак не отреагировала. Она лежала на высокой каталке с закрытыми

глазами. Над ней склонился врач в форме, накладывавший ей шину на правую руку выше локтя. Рядом стояли двое полицейских, мужчина и женщина, с открытыми блокнотами.

Встреча с Джессикой в любом случае для него равносильна удару под дых, но увидеть ее в таком состоянии оказалось просто невыносимо.

Кейд вспомнил самый горький урок, который вынес из своего брака. Несмотря на то что больше всего на свете ему хотелось защитить ее, он не мог этого сделать.

Глядя на Джессику теперь, пока она его не видела, он отметил в ней некоторые изменения. В белой, наглухо застегнутой блузке и серой юбке карандаш она казалась какой-то странно повзрослевшей. Стройные ноги были облачены в очень практичные и очень строгие туфли на плоской подошве. Она выглядела деловой и совершенно немодной, как английские няньки по телевизору. Весь ее облик, если это можно так назвать, наполнил Кейда ощущением определенного облегчения.

Очевидно, Джессика не озабочена поисками нового мужчины.

Нельзя сказать, что в данных обстоятельствах он ожидал увидеть ее радостно-оживленной, но она казалась очень уж серьезной. В этой прагматичной бизнес-леди не осталось ничего от той молодой артистичной женщины, какой она была всегда. Кейд с уверенностью мог сказать, что единственный день, когда он видел ее не в джинсах, – это день их свадьбы.

Цвет ее волос, не знавших краски, по-прежнему отливал золотом, как спелая пшеница в поле, однако Джессика подстриглась, и это придавало лицу отточенную элегантность вместо прежнего дружелюбного девчоночьего озорства. А может быть, она просто похудела и ее черты, особенно линия скул, сделались более резкими. На ней не было ни капли косметики. Кейд снова ощутил всплеск непрошеного облегчения. Судя по всему, она не делала ни малейшей попытки воспользоваться своей природной красотой.

И, несмотря на то что она выглядела одновременно и прежней, и изменившейся, несмотря на бледность и синяки, несмотря на одежду, предполагавшую нежелание привлекать к себе внимание, несмотря на то что он пытался держать себя в руках, Джессика вызвала у него ту же реакцию, что и всегда.

С первой минуты, когда Кейд увидел в кампусе ее смеющееся лицо, он пропал. Она сидела с друзьями на лужайке и бросила на него случайный взгляд, когда он, торопясь на занятия, проходил мимо.

Тогда с его сердцем произошло то же, что и сейчас. Оно остановилось. Кейд так и не попал на занятия. Вместо этого подошел к ней и тем определил свою судьбу.

Джессика – тогда Кларк – не была красавицей в традиционном смысле. Небольшое количество пудры не могло скрыть веснушки, которые уже стали более яркими от солнца. Блестящие золотые волосы выбивались из-под заколки, стягивавшей их на затылке. На ней была самая обычная розовая футболка и джинсовые шорты с обтрепанными отворотами. Ногти на ногах подкрашены в цвет футболки.

Но главное, что привлекло Кейда, – ее глаза, зеленые, как у эльфы, сверкавшие таким же лукавством. Если правильно помнил, а Кейд в этом не сомневался, в тот день на ней было немного косметики. Тени вокруг глаз делали их более глубокими и зелеными, как горное озеро. Улыбка казалась неотразимо теплой, манящей, полной жизненной энергии.

Два года замужества лишили ее этой искрометной живости. И по двум линиям, которые залегли вокруг рта, Кейд видел, что она так и не вернулась. Его сердце сжала ледяная рука.

Он не оправдал ее ожиданий.

Несмотря на эту горестную мысль, Кейд не мог удержаться, чтобы не подойти к ней ближе.

Кейд с удивлением почувствовал, что ему хочется поцеловать Джессику в лоб, убрать волосы, упавшие на лицо. Но вместо этого положил ладонь на ее худенькую руку выше локтя,

понимая, что с легкостью может обхватить ее полностью. И только теперь заметил, что она больше не носит его кольца.

– Как ты? – Кейд намеренно придавал своему голосу твердость. Посторонним ни к чему знать, какой ужас он ощутил, когда на миг подумал, что Джессика может навсегда исчезнуть из жизни.

Ее глаза распахнулись. Все те же знакомые озера жидкой зелени, опущенные такими густыми ресницами, что казались присыпанными по краям шоколадной пудрой. Самые потрясающие глаза, которые ничто не могло испортить. Непрошенные, как подумал о них Кейд в первый день, когда Джессика подошла к нему. Он поспешил отбросить эти воспоминания, злясь на себя за то, что с такой легкостью возвращался *туда*.

Теперь на ее прекрасных глазах лежала тень грусти. И все же в тот миг, когда она увидела, что это он, Кейду захотелось стать таким, каким она хотела его видеть. Человеком, в котором теплилась хотя бы капля надежды.

Глава 2

То, что промелькнуло в глазах Джессики, когда она увидела, что это он, быстро сменилось настороженностью. Кейд знал, в его взгляде она увидела такое же выражение.

– Что ты здесь делаешь? – Брови Джессики хмуро сошлись у переносицы.

Что он здесь делает? Она сама просила его прийти.

– Ее ударили по голове? – спросил он у врача скорой.

Джессика нахмурилась еще сильнее:

– Нет. С головой у меня все в порядке.

– Возможно, – ответил врач.

– Что ты здесь делаешь? – повторила она требовательно. Кейд слишком хорошо помнил этот тон с легким шипящим оттенком злости, притаившейся, словно змея, готовая к броску.

– Ты просила меня прийти, – напомнил он. – Чтобы обсудить... – Он посмотрел на толпившихся вокруг них людей и не смог закончить предложение.

– Ой! – сокрушенно воскликнула она. – Теперь вспомнила. Мы должны были встретиться, чтобы поговорить о... – Ее голос сорвался. Она вздохнула. – Извини, Кейд, я правда забыла, что ты должен прийти. – Едва ли она провела прошлую ночь без сна, думая о разводе. – Утро получилось совершенно безумным, – пояснила она, будто это нуждалось в объяснении.

– Я вижу, – ответил Кейд. Умеет же она все преуменьшить.

– Кто вы? – спросила его женщина-полицейский.

– Я ее муж. – Ладно. Юридически он еще был им.

Кейд стоял всего в нескольких дюймах от Джессики, но тем острее чувствовалась психологическая дистанция, разделявшая их. Ее невозможно преодолеть. Это именно она злобно шипела в голосе Джессики. Их разделяло минное поле воспоминаний, и любая попытка общения ощущалась, как риск быть разорванными на куски.

– Я думаю, у нее трещина или перелом предплечья, – сказал Кейду врач и, повернувшись к ней, произнес: – Мы отвезем вас в больницу. Там вам сделают рентгеновский снимок. Я позвоню, чтобы они подготовились принять вас в отделении скорой помощи.

– Что это за больница? – поинтересовался Кейд.

– Тебе не надо туда ехать, – отозвалась Джессика, и он снова услышал *этот* тон. Извинения забыты. В ответ на сдвинутые брови она бросила на него сердитый взгляд.

Она права. Ему *не стоит* ехать с ней. Но сам он не смог бы удержаться.

– И все же мне было бы спокойней, если бы я знал, что с тобой все в порядке.

– Нет.

Кейд помнит этот голос. Уж если Джессика приняла решение, ничто не сможет заставить ее передумать.

Каким бы глупым и неразумным оно ни было.

– Мне показалось, он ваш муж, – смущенно произнесла женщина-полицейский.

– Тебе не надо приезжать в больницу, – настаивала Джессика, попытавшись сложить руки на груди, но мешала шина на правом предплечье. После третьей попытки она оставила эту затею и недовольно посмотрела на руку. Видимо, не почувствовав облегчения, перевела недовольный взгляд на Кейда.

Ее, очевидно, раздражало, что он сделал то, что ей не удалось, решительным жестом сложил руки на груди.

Боевая стойка.

Что это значит? Настаивает на том, чтобы ехать с ней в больницу? Принимает на себя ответственность за нее?

Неужели он так и не перестал чувствовать себя ответственным за нее?

– Мне казалось, он ваш муж, – повторила женщина-полицейский.

– Да, – подтвердил Кейд и услышал в своем голосе ту же твердость, с какой много лет назад сказал: «Да, согласен!»

Джессика почувствовала, как по спине побежали мурашки.

Ее муж.

Скрестив руки на груди, Кейд стоял так близко, что она чувствовала знакомый пьянящий запах. В такой позе он выглядел мрачным и прекрасным.

Даже несмотря на зловеще нахмуренные темные брови и опущенные вниз уголки губ, это был самый потрясающий мужчина из всех, кого она знала. Джессика не сомневалась, что женщина-полицейский тоже не осталась равнодушна к нему.

Джессике никогда не надоедало смотреть на него, даже после того, как в их отношениях наметилась трещина. Временами злость усугублялась оттого, что ей по-прежнему это нравилось, хотя Кейд безумно ее раздражал.

Но, глядя на него сегодня, Джессика не могла не смириться с этим. На нем был красиво скроенный летний костюм, без сомнения сшитый на заказ, простая белая рубашка, скорее всего из египетского хлопка, и мастерски завязанный галстук, легкий блеск которого буквально кричал, что он сделан из лучшего шелка и стоит сумасшедших денег.

Все вместе создавало безошибочное впечатление, что перед вами президент и генеральный директор одной из самых успешных компаний в Калгари. Несмотря на скромное название, «Ойлфилд Саплайз» такой и была. Она развернула бешеную активность на всех нефтяных месторождениях в Альберте и не только. Благодаря деловой хватке, уму и амбициям Кейда за последние годы компания демонстрировала фантастический рост.

В этом человеке нет и намек на слабость. Ни вялости, ни бледности, характерной для офисного работника, проводившего все свое время за столом. Кейд изучил свой бизнес с самых низов еще в университете, работая на буровых установках. Хотя теперь на нем красовался прекрасный костюм, от него по-прежнему исходило ощущение жесткости и грубоватой силы. Вся фигура Кейда Бреннана, с длинными ногами, широкими плечами и грудью, производила впечатление настоящей мощи.

У него были темно-каштановые волосы, которые каким-то непонятным образом умудрялись всегда выглядеть непослушными, как бы коротко он ни стригся. А сейчас они были очень короткими.

Кейд был чисто выбрит, впрочем, Джессика никогда не видела его другим, и это лишь подчеркивало совершенство мужественных черт, гладкой кожи, высоких скул, прямого носа, полных губ и слегка выдающегося вперед подбородка.

А его чертовы глаза! Сексуальные, с поволокой, они сияли сапфировой синевой океанской воды. Только раз в жизни Джессика видела такой цвет на самой южной оконечности Биг-Айленд на Гавайях, где они проводили медовый месяц.

Задолго до этого, практически с первого мгновения, когда впервые увидела его, Джессика размышляла о том, каким будет их ребенок. Будут ли у него глаза Кейда, ее глаза или смесь того и другого?

Острая как нож знакомая боль пронзила ее сильнее, чем та, которую она чувствовала в поврежденной руке. Эту боль не смогли заглушить пакеты со льдом, которыми обернули руку, чтобы облегчить страдание.

Ее муж.

Джессика почувствовала, как сердце начало отбивать знакомую дробь при мысли о том, что это значит, при мысли обо всем, что она знала об этом человеке, обо всех интимных деталях, которые известны только жене.

О том, что Кейд боится щеколки, любит аромат лимона, а если поцеловать маленькую родинку у него под ухом...

Она заставила себя остановиться, разозлившись, что так быстро перенеслась *туда*. Как это могло случиться после всего, что произошло между ними? Будто после долгого мучительного подъема стояла на самом вершине американских горок в ожидании, что вот-вот помчится вниз.

После всего, что было, эта голодная тоска по его объятиям, его дыханию над ухом, прикосновению щеки к щеке, губ к губам, тела к телу казалась предательством по отношению к самой себе.

Ее муж.

Джессика почувствовала себя совсем слабой. Куда подевалось вновь обретенное чувство самодостаточности теперь, когда она больше всего в нем нуждалась? Куда подевалось самоуважение зрелой женщины? Где чувство, что жизнь идет своим чередом и она снова может позволить себе мечты, о которых забыла, когда Кейд от нее ушел?

Она открыла для себя, что может сама отвечать за свои мечты. И это куда проще без проблем, которые привносил в ее жизнь мужчина! В особенности такой мужчина, как Кейд, слишком уверенный, что знает правильные ответы на все вопросы.

Джессика понимала, что он не одобрил бы то, что она скрывала. Этот секрет наполнял ее чистой радостью, как когда-то картинка с УЗИ, которую она тайком носила в кармашке у сердца. Она приняла решение усыновить ребенка.

Пока это была не более чем мысль, но ей хотелось завершить все свои дела с Кейдом до того, как начнется процесс усыновления. Джессика напомнила себе, что должна держаться с ним твердо, и с презрением отмахнулась от своей непрошеной слабости.

Прежде чем позвонить ему, она готовилась целую неделю, репетируя деловой тон. Тщательно продумала предстоящую встречу.

Ясное дело, то, что она застанет здесь грабителя, никак не входило в планы. Джессика до сих пор не могла поверить в этот кошмар и совсем забыла, что к ней должен прийти Кейд.

В том-то и дело. Это объясняло сумбур в чувствах. Она просто пережила шок. Сломанная рука нестерпимо болела, и, хотя это отрицала, похоже, в драке она все же получила удар по голове. Так что, возможно, небольшая слабость при мысли о муже вполне допустима.

Однако теперь она должна держаться с ним твердо. Никакой слабости!

Джессика украдкой взглянула на Кейда. От нее не укрылось его ощущение при виде этого магазина. Что-то в непроницаемом лице подсказывало, что он злился. Мысль о том, что он злится, придавала сил. Приглашая его сюда, Джессика знала: именно так он и отреагирует.

Она говорила себе, что это испытание, через которое надо пройти. Развод – не на бумаге, а в сердце – предполагал, что ей все равно, нравится ему то, что она делает, или нет.

Адвокат совершенно прав. Настало время связать оборванные нити ее жизни. Однако адвокат не знал *всех* причин, по которым это стало так важно именно сейчас. Он знал только о ее процветающем бизнесе. Решение усыновить ребенка Джессика до поры держала в секрете.

Однако секрет требовал признания того, что Кейд Бреннан, муж, с которым она не жила уже больше года, стал ее самым большим жизненным провалом!

– Что здесь произошло? – спросил Кейд. Впрочем, не спросил, а потребовал объяснений, готовый немедленно вмешаться.

Но она ни за что не призналась бы, каким облегчением стало бы позволить ему это сделать.

– Слушай, Кейд, тебя это не касается.

Женщина-полицейский казалась совершенно ошарашенной ее тоном.

– Мне казалось, он ваш муж, – машинально повторила она.

– Мы почти разведены, – объяснила Джессика, стараясь говорить небрежным тоном деловой женщины, для которой это сущий пустяк. Однако пришлось собрать все силы, чтобы выдать из себя это слово.

Разведены.

Его она тоже репетировала, пытаясь произносить так, чтобы не было слышно горечи, чувства утраты, безнадежности и поражения.

– О-о! – Женщина восприняла эту информацию как голодная собака, почуявшая кость.

– Что здесь произошло? – снова спросил Кейд.

Джессика возмущенно посмотрела на него. К счастью, вмешался врач, заявивший, что они готовы ехать, и ее повезли на каталке мимо Кейда, так и не дождавшегося ответа. Правда, уже в следующий момент она с раздражением услышала, как женщина-полицейский рассказывает ему о случившемся. Обернувшись, Джессика увидела, как та, услужливо моргая Кейду, сверяется со своими записями.

– Она приехала в шесть утра поработать с бумагами, а около семи тридцати к ней кто-то вломился.

– Не приезжай в больницу, – крикнула Джессика через плечо, испытывая детское желание оставить за собой последнее слово. – Ты мне не нужен.

У выхода на улицу, где собралась большая толпа зевак, она обернулась еще раз, почти не замечая всех этих людей. Единственное, что заметила, – ее стрела попала в цель.

На мгновение Кейд оторопел от ее слов.

Оттого что он ей не нужен.

Но вместо удовлетворения оттого, что удалось ранить его, Джессике вдруг стало противно. Какой-то мелкий бес, сидящий внутри, потребовал исправить это и дать понять, что он все-таки нужен.

– Кейд, прошу тебя, позаботься о том, чтобы здесь ничего не пропало, хорошо?

По правде сказать, после слов о том, что он ей не нужен, Кейд должен был бы послать ее ко всем чертям. Но он этого не сделал.

– Если бы ты повесил на разбитое окно табличку «Сегодня мы закрыты», было бы просто замечательно.

Он фыркнул, но не сказал «нет».

– Я не могу все это так оставить. Дверь сломана. Грабитель может вернуться. Да и любой может зайти и унести все, что вздумает.

Все ее надежды и мечты. Как странно, что приходится просить Кейда спасти их.

– Хотя ладно, не беспокойся. – Она злилась на себя за то, что попросила его. – Я кого-нибудь вызову.

Он ей не нужен. Не нужен! Зачем она шлет ему эти путаные сигналы? «Ты мне нужен», «Ты мне не нужен». Джессика с удивлением обнаружила, что с ее почти бывшим мужем не все так ясно, как она думала.

– Я обо всем позабочусь, – заверил он.

Ей бы отказать более решительно. Но Джессика не могла отрицать, что испытала огромное облегчение, что Кейд Бреннан все еще ее муж и готов присмотреть за ее вещами.

Глава 3

Джессика покатила к машине скорой помощи, а Кейд прошелся по магазину в поисках какого-нибудь инструмента для починки двери. В конце концов в шкафу на крохотной кухоньке нашел молоток и в задумчивости уставился на него.

– Это не настоящий молоток, – пробурчал он себе под нос. – Похоже, игрушка для одной из выставочных детских комнат.

В промозглом подвале ему удалось найти несколько старых досок. К счастью, из них торчали гвозди, которые можно вытащить и снова забить. Почему у женщин никогда нет самого нужного? Гвоздей, отверток, молотков, клейкой ленты?

Кейд забил досками сломанную дверь и отыскал квадратный кусок толстой фанеры, где можно было написать несколько слов.

За неимением клейкой ленты пришлось прибить ее к разбитому окну. Упорный вор по-прежнему мог бы забраться внутрь, и все же теперь магазин выглядел гораздо более защищенным, чем раньше, со сломанной дверью и разбитым окном.

Бегло осмотрев свою работу, Кейд пришел к выводу, что в качестве временного варианта она вполне приемлема. Потом он позвонил своей личной помощнице Пэтти, чтобы сказать, что сегодня будет поздно, а возможно, не придет совсем.

– Подыщите мне какую-нибудь простенькую систему видеонаблюдения. Подойдет одна из тех, которые посылают сигнал тревоги на мобильный телефон. И не могли бы вы найти мастера на все руки? Мне надо починить дверь, заменить окно и установить систему видеонаблюдения. Пусть свяжется со мной, я объясню все подробно. И еще договоритесь, чтобы мою машину подогнали к больнице «Холи Кросс». Попросите водителя позвонить мне, когда машина будет на месте. Я подойду забрать ключи. – Несколько секунд он молча слушал. – Нет, все в порядке. Не беспокойтесь.

Кейд вышел на Мемориал-Драйв и поймал кеб, чтобы его отвезли в больницу.

Каталку с Джессикой он нашел в комнате ожидания рентгеновского отделения.

– Как ты себя чувствуешь?

Судя по виду, совсем не хорошо. Она была очень бледной и выглядела так, словно вот-вот заплачет.

Кейд не мог выносить ее слез. Больше всего на свете ненавидел ощущение беспомощности, которое испытывал, когда Джессика плакала. К своему стыду, в прошлом он никогда не мог реагировать на них по-доброму.

Вот и сейчас ему стало стыдно, что, прежде чем заговорить с ним, ей пришлось сделать глубокий вдох.

– Снимок уже сделали. Я просто жду врача. Рука сломана. Не знаю, смогут ли они вылечить ее без операции. – Глаза Джессики наполнились слезами.

Кейд едва сдержался, чтобы не обнять ее и дать поплакать. Он никогда не умел правильно обходиться с ее слезами, и теперь уже поздно становиться чувствительным парнем. Это оказалось гораздо трудней, чем быть храбрым парнем, которым он умел быть.

Джессика знала это, поэтому, приподняв плечи, вздернула подбородок.

– Ты совершенно напрасно сюда пришел.

Он пожал плечами:

– Твой магазин в безопасности. Табличку я повесил.

В ее глазах отразилась борьба – благодарить его или держаться воинственно. Как он и ожидал, благодарность победила.

– Спасибо тебе. Что ты написал?

– «Беби бумер» временно закрыт».

Неуверенная улыбка тронула губы Джессики, но потом она сдалась и широко улыбнулась:
– Вот и хорошо.

Кейд страшно обрадовался, что не дал ей заплакать, даже заставил улыбнуться.

– Все могло быть гораздо хуже, – сурово произнес он. – Расскажи, что произошло.

Услышав угрожающую нотку в его голосе, она невольно поежилась. Ничего, Кейду не удастся ее запугать!

– Разве не понятно? Я работала с бумагами, а ко мне влезли.

– Но он вошел через главный вход.

– И что?

– Разве у тебя нет задней двери? – Теперь его голос звучал еще более грозно.

– Ну да. Но мы оба не ожидали увидеть друг друга. К счастью, я сразу же позвонила 911, как только услышала звон разбитого стекла.

– А тебе не пришло в голову сначала выбежать через заднюю дверь, чтобы звонить из безопасного места?

Джессика сразу вспомнила, что ей так не нравилось в Кейде. Помимо всего прочего. Сейчас хотелось хорошенько выплакаться, но она сдерживалась, боясь его неодобрительной реакции. Будучи большим человеком у себя на работе, он полагал, что знает все на свете.

Из-за этого Джессика не хотела, чтобы он узнал об усыновлении. Наверняка у него нашлось бы свое мнение и по этому поводу. Джессика не рвалась его услышать.

– Легко судить задним умом, – хмуро отозвалась она.

– Как вышло, что ты сломала руку?

Джессика слегка поежилась.

– М-м-м, мы сцепились. Я упала.

– Сцепились? – Кейд не верил своим ушам. – Ты дралась с грабителем? Это, конечно, проще, чем выскочить через заднюю дверь.

– Я не собиралась убежать.

– Здесь нечем гордиться.

– Да неужели? Как ты смеешь поучать меня, чем гордиться, а чем нет?

Совсем как в последние недели их совместной жизни, когда споры возникали на каждом шагу.

– И чем ты гордишься? – Его тон стал еще более мрачным, на щеке задергалась жилка – верный признак того, что он *всерьез* разозлился.

– Я горжусь, что дала отпор этому жалкому воришке. – Джессика говорила тихо, хотя голос звучал все более уверенно. – Я потеряла мать, когда мне было двенадцать. Я потеряла двух детей в результате выкидыша.

И еще она потеряла Кейда, хотя и не собиралась об этом упоминать. В каком-то смысле эта потеря оказалась тяжелее всего. Другие утраты невосполнимы, а Кейд здесь, правда, больше не принадлежит ей.

– Извини? – Он слегка подался назад, будто она его ударила. – При чем здесь все это?

– Я больше не хочу ничего терять, – ответила Джессика, услышав натянутое звучание собственного голоса. – Ни единой вещи.

Кейд пристально смотрел, как она сделала глубокий вдох и продолжила:

– Послушай меня, Кейд Бреннан. Я больше не намерена пасовать перед жизненными обстоятельствами. Не собираюсь быть беспомощной жертвой. У меня будут свои правила, и я построю свою жизнь в соответствии с ними. – Кейд онемел от удивления, Джессика добавила низким голосом: – И если это означает драться с тем, кто хочет у меня что-то отнять, буду драться.

– О господи, – наконец произнес он тихим от боли голосом. – Да это же полный бред.

– Мне все равно, что ты думаешь, – с гордым упрямством возразила она.

В ближайшее время она не планировала становиться более разумной, однако после усыновления с драками будет покончено. Она станет образцовой благоразумной матерью.

Джессика надеялась, что у нее не возникнет вопросов о том, как реагировать на вторжение, когда появится приемный ребенок.

– Значит, ты не убежала через заднюю дверь, – заключил Кейд сам для себя. – И даже не пыталась.

– Нет. – Новая Джессика отказывалась пугаться. Она твердо встретила его взгляд и не собиралась позволять ему подавлять ее. Она не одна из его служащих. И уже даже не его жена. Еще немного, и они станут совсем чужими.

От этой мысли где-то в глубине души возникла неожиданная грусть. Она могла поспорить, что это из-за ранения, но Джессика храбро поборола ее.

– Я пыталась не дать ему сбежать. Полиция уже подъезжала.

На мгновение Кейд снова онемел, крепче стиснул зубы. Джессика вспомнила, как ненавидела эту его манеру стискивать зубы.

Он редко повышал голос, когда злился, но напряженные мышцы челюсти всегда говорили, что его *действительно* что-то очень раздражает.

– Ты хочешь сказать, – низкий голос Кейда звучал угрожающе, – что не просто сцепилась с грабителем, но и пыталась задержать его?

– Это был щедушный малявка, – запальчиво воскликнула Джессика.

– На случай, если ты давно не смотрела на себя в зеркало, ты тоже не великанша. У него же мог быть нож! Или пистолет! – Он очень редко повышал голос до такой степени.

– Не могла же я стоять и смотреть, как он меня обворовывает! – Взглянув в лицо Кейду, она резко пошла на попятную. – Ладно, возможно, в тот момент я не очень ясно соображала. – Да, кое-что определенно придется изменить, когда она станет матерью.

– Возможно?

Непонятно, что заставляло Джессику так сопротивляться ему, хотя и понимала, что Кейд прав, а она нет. И даже не просто сопротивляться, а делать это так, чтобы он почувствовал себя задетым.

– Грабежи в нашем районе начались несколько дней назад. В ту ночь никто не спал. Все съехались, чтобы караулить свои магазины. Сейчас этот магазин для меня все. Вся моя жизнь.

Она не сомневалась, что Кейд расслышал то, что она не договорила. Бизнес заменил его.

Челюстная мышца снова заходила у него под кожей. Джессика наблюдала за ним с невольным восхищением. Вот теперь он *по-настоящему* разозлился.

– Ты приезжала сюда среди ночи, чтобы сторожить магазин?

Теперь под гневным взглядом Кейда эта идея уже не казалась такой разумной.

– Да, приезжала. – Она не отступала. – И сегодня, может быть, тоже поеду, поскольку грабителя упустили.

Ну, на самом деле это маловероятно, хотя нельзя, чтобы Кейд подумал, что может командовать ею, контролировать или даже порицать ее. Все это в прошлом.

– Сегодня ты туда не поедешь. Господи, Джессика, ты что, никогда не слышала о камерах видеонаблюдения?

– Конечно, я о них знаю. И об охранных фирмах тоже. Но вариантов слишком много, а я еще не определилась, что для меня лучше, учитывая мои потребности и бюджет. Но тебя это совершенно не касается. И ты не можешь мне указывать, что и как делать. У нас с тобой осталось только одно дело, которое мы должны обсудить вместе. Развод.

И снова Джессику пронзила мысль, что *это* самый крупный провал в ее жизни.

В этот момент к ним подошла симпатичная молодая женщина-врач с рентгеновским снимком в руке.

– Мистер и миссис Бреннан?

Мистер и миссис Бреннан. Эти слова не должны ее так расстраивать! И не стоит гадать, займет ли ее место другая миссис Бреннан.

Завершился их недолгий брак. Они разводятся. Жизнь Кейда ее больше не касается, так же как ее жизнь не касается его.

Возможно, она поменяет фамилию и снова станет Джессикой Кларк. Будет миссис, но не Бреннан, а Кларк. И ее ребенок получит фамилию Кларк.

Джессика не думала о том, какое у него будет имя. Она знала это слишком хорошо. По крайней мере, должна знать. Воспоминание резануло ножом по сердцу. Они с Кейдом перерыли все книги с именами. Выбрали Льюис для мальчика и Амелия для девочки.

А потом случился первый выкидыш. Каким-то непонятным образом теперь она видела то, чего не видела тогда. С того момента, как Кейд попросил ее не называть по имени того неродившегося ребенка, между ними пролегла трещина.

Нет, она непременно добьется успеха в бизнесе по дизайну детских комнат. Сделает магазину новую красивую витрину. У нее все получится.

Она наполнит свою жизнь самыми замечательными детскими вещами, которых не будет больше ни в одном магазине, самыми лучшими колясками, самыми мягкими плюшевыми мишками. Тем, что всем нравится, но чего больше нигде не купишь.

А в один прекрасный день, который может наступить уже очень скоро, все эти вещи достанутся ее ребенку. Она сама придумает для него дизайн детской.

«Не надо, – прошептал Кейд, когда Джессика второй раз начала красить стены пустой детской комнаты в нежно-лавандовый цвет. – Пожалуйста, не делай этого».

Но теперь ей не нужно его согласие. Она все сделает сама. И наконец, наконец станет счастливой. Теперь все сложится как надо.

Сложится? Если да, откуда это внезапное желание плакать? Все потому, что она ударила головой и болит сломанная рука. Потому что сегодня такой ужасный день.

– Мистер и миссис Бреннан? – снова спросила врач, озадаченная тем, что не услышала ответа.

– Да, – отозвался Кейд.

– Нет, – одновременно с ним ответила Джессика.

На его лице появилось упрямое выражение, которое Джессика помнила даже слишком хорошо.

Решив, что не стоит поддаваться внезапно охватившему ее желанию убить его прямо на глазах у врача, она пожала плечами.

– Мы почти разведены, – пояснила она. – Он уже уходит.

Бросив на нее взгляд, Кейд прошелся по небольшому помещению.

– Ладно, тогда пойдемте со мной.

Джессика встала с каталки и пошла за докторшей, но вдруг пошатнулась. Кейд мгновенно оказался рядом.

– Сядь!

Нет, она действительно не могла выносить этот тон, это желание командовать. Просто головокружение не оставило ей выбора.

Кейд с докторшей покатали каталку по коридору, он вместе с ней вошел в маленький кабинет. Женщина положила снимок на светящийся стол.

– Перелом не сложный. – Она показала им место перелома кончиком шариковой ручки. – Мы называем это полный перелом. Я наложу вам гипс. Думаю, придется походить в гипсе недели четыре, а потом понадобится дополнительное лечение, чтобы полностью восстановить подвижность.

Четыре недели в гипсе? На снимке Джессика отчетливо видела свою руку, разделенную на две части. Головокружение усилилось. Она с трудом удержалась, чтобы не уронить голову на колени.

– Она будет болеть? – шепотом спросила она, не желая, чтобы Кейд заметил признаки слабости.

– Я была бы рада сказать вам «нет», но даже с сильным обезболивающим, которое я вам выпишу, будет больно. Хотите, чтобы муж пошел с вами?

«Да», – всхлипнула Джессика про себя. Но нет, нельзя поддаваться! Чувствуя на себе пристальный взгляд Кейда, она вздернула подбородок:

– Нет. Кейд, я в порядке, ты можешь не ждать.

Глава 4

«Ты можешь не ждать» звучало не так категорично, как «ты можешь идти». Джессика заставила себя не оглядываться на него, когда врач повела ее в другой кабинет. Но приходилось признать, что она была бы благодарна, если бы, обернувшись, увидела, что он не уходит.

Через полчаса медсестра вывела ее из кабинета с неподвижной рукой, закованной в гипс. В другой руке она держала рецепт обезболивающего и список предписаний. Слабость усилилась десятикратно.

Поэтому, увидев, что Кейд все еще там, она по-настоящему обрадовалась. Он вскочил, как только увидел ее, но потом сунул руки в карманы.

– Ты мог бы не ждать, – упрямо повторила Джессика.

– Я должен удостовериться, что ты благополучно добралась до дома. Попросил, чтобы мою машину подогнали к больнице, пока я жду. Сейчас подъеду к выходу.

Прежде чем она успела возразить, что ей не нужно, чтобы он отвозил ее домой, поскольку она собирается на работу, Кейд ушел.

Джессика никак не хотела признаваться в том, что временами его способность брать ответственность на себя очень кстати. К тому моменту, когда его машина подъехала к выходу, она успела понять, что не сможет вернуться на работу. Неохотно она согласилась и с тем, что не без удовольствия увидела, как Кейд распахнул перед ней дверь, и она скользнула с каталки в знакомую роскошь салона.

Почему ее так обрадовало, что он не купил другую машину? Это не должно волновать. Эту машину Кейд купил сразу после того, как они окончили университет, задолго до того, как мог позволить себе такую вещь.

– Зачем ты ее купил? – спросила Джессика, когда он приехал к ней показать машину. Казалось бы, дорогая машина не самая необходимая вещь для вчерашнего выпускника.

– Потому что, когда мы поженимся, сразу уедем на ней.

И он показал ей кольцо, которое тоже было ему не по карману. Три месяца спустя они уезжали, сопровождаемые дождем конфетти и радостными возгласами друзей.

Одной из самых любимых свадебных фотографий Джессики была та, где виден знак «Молодожены», криво прикрепленный к заднему бамперу отъезжающей машины, а сзади тащится связка консервных банок. На этой фотке Кейд, глядя через плечо, улыбается, как человек, у которого есть все. А она, смеясь, придерживает фату и выглядит, как женщина, решившаяся на самое безумное путешествие в своей жизни.

Каким и стало ее замужество, хотя все обернулось совсем не так, как она ожидала. Оно, словно американские горки, то возносило на головокружительные высоты, то бросало в глубокие мрачные пропасти.

Джессика глубоко вздохнула и попыталась выбросить воспоминания из головы, однако сильные обезболивающие ослабили способность владеть собой. На самом деле, она не знала, что больше влияет на настроение – таблетки или пребывание в этой машине и близость Кейда.

Джессике всегда нравилось, как он водит, хотя теперь это воспринималось как слабость, она дала себе волю насладиться его мастерством. В его руках машина вела себя, как живое существо, ловко пробивавшее себе дорогу в плотном потоке.

Они остановились у входа в дом, где когда-то жили вместе. Дом находился дальше от центра, чем магазин, но тоже в красивом респектабельном юго-западном районе индивидуальных бунгалов пятидесятых годов.

О боже. Если поездка чуть не задушила ее воспоминаниями, что будет, если он войдет в дом, где они были вместе? Именно поэтому Джессика хотела встретиться с ним в магазине.

– Кейд, – твердо сказала она, потянувшись левой рукой к двери машины, – нам надо оформить развод.

Он заставил себя повернуться и взглянуть на нее, хотя то, что Джессика сидела на пассажирском сиденье сзади, вызвало неожиданную боль.

Сделав над собой усилие, он внимательно присмотрелся к ней. За бледностью и худобой скрывалось *что-то еще*.

– Что ты недоговариваешь?

Джессика не смотрела на него. Открыла дверь машины, хотя это неудобно делать левой рукой.

– Ты могла бы подождать, когда я открою, – раздраженно сказал он, но она бросила на него горделивый взгляд и спустила ноги на землю.

Однако боевого настроения хватило ненадолго. На лице Джессики появилось смущенное выражение. Она побелела. Споткнулась.

Кейд выскочил из машины и успел подхватить ее в тот момент, когда ослабевшие ноги подкосились. Он с легкостью поднял ее, пристально глядя ей в лицо, и оказался в положении, в котором в этот день рассчитывал оказаться меньше всего. Легкое тело Джессики у него в руках приятно прижималось к нему. На него уставились большие глаза. От нее исходил знакомый запах с легкой ноткой лимона, как от торта с взбитыми сливками.

Она облизнула губы, взгляд Кейда упал на них. Вспомнился их вкус и то, каким наслаждением было целовать ее.

Видимо, ощутив внезапную искру, промелькнувшую между ними, Джессика быстро пришла в себя и уперлась ему в грудь здоровой рукой:

– Поставь меня на землю!

Будто он поднял ее против воли, а не удерживал от падения. Не обращая внимания на слова, Кейд понес ее по дорожке, ведущей к дому.

К их дому.

Но он не собирался вносить ее через порог. Воспоминание о том, что однажды он уже делал это, было слишком мучительным. Он поставил ее на верхнюю ступеньку перед входной дверью, ноги Джессики подогнулись. С беспомощным и несчастным видом она села на ступеньку.

– Мне что-то нехорошо, я не могу найти ключи.

У Кейда до сих пор сохранились его ключи, но он не знал, стоит ли ими воспользоваться. Это могло показаться слишком бесцеремонным. Он считал, что больше не имеет права чувствовать себя здесь как дома.

– Кажется, я забыла сумку в магазине. – Джессика пыталась подняться.

– Посиди минуту.

Это был не приказ, а предложение, но она скрестила руки на груди, положив здоровую руку на больную. Кейд ждал, что она покажет ему язык, но она не стала.

– Ты похудела, – заметил он, глядя на нее.

– Немного, – признала Джессика, будто выдавала государственную тайну. – Ты же меня знаешь. Я слишком увлекаюсь проектами. Сейчас это «Беби бумер». Иногда забываю поесть. Кейд нахмурился. Она всегда чем-нибудь увлекалась. Когда-то это был он.

– Что вдруг за спешка с разводом?

Джессика вздрогнула и бросила на него сердитый взгляд:

– Какая спешка? Прошло больше года.

– У тебя кто-то появился? – Собственный голос показался ему нелепо взволнованным.

Джессика пристально рассматривала его, но он выглядел совершенно невозмутимо.

– Нет, хотя тебя это совершенно не касается. – Она помедлила. – А у тебя?

Он фыркнул:

– Нет. С меня довольно, спасибо.

– С меня тоже! – Джессика снова засомневалась, видимо не желая показать, что ее интересует его личная жизнь. – Но, полагаю, ты в игре?

– Что? Что ты хочешь этим сказать?

– Встречаешься с кучей женщин.

Кейд снова фыркнул, будто это его обидело. Она что, принимает его за плейбоя?

– Мне кажется, ты могла бы знать меня лучше.

– Но ты ведь живешь в том доме. У него вполне определенная репутация.

– У кондоминиума репутация? – удивился он. – У дома, в котором я живу? У «Риверз Эдж»?

– Конечно, – уверенно ответила Джессика. – Там живет много одиноких людей. Очень богатых одиноких людей. Есть бассейн и сумасшедшее место для вечеринок в пентхаусе. Там шикарные апартаменты.

– Откуда ты знаешь?

Она покраснела:

– Только не думай, что я пыталась разнюхать что-то о тебе.

– Мне бы это и в голову не пришло.

– В газете писали.

– Должно быть, я пропустил.

– Похоже, отличное местечко для холостяка. Особенно для того, кто ищет свободных развлечений.

Так вот что она про него думает? Ну и ну. Ладно, пусть думает что хочет. Но как могло случиться, что она совсем его не знает?

– Помимо всего прочего, – услышал Кейд свой каменный голос, – это в шаговой доступности от работы, где я, между прочим, провожу большую часть времени, когда не сплю. – Он замолчал, тоже не желая казаться слишком заинтересованным ее личной жизнью. – А как *ты*? В игре?

– Не говори глупостей.

– Интересно, когда я спрашиваю – это глупости, а когда ты – нет? – И снова между ними возникло напряжение, которое постоянно таилось где-то рядом, готовое в любой момент вырваться наружу.

– Я уже объясняла тебе, что полностью поглощена бизнесом. У меня больше ни на что нет времени.

– Значит, у тебя нет новых отношений и ты не рвешься заводить их. Тогда зачем тебе развод?

Джессика вздохнула. Слишком театрально, на его вкус.

– Это не может продолжаться бесконечно, Кейд.

Ему хотелось спросить почему, но он не стал.

– Все время, что я провела на работе, окупается. Мой бизнес выходит на новый уровень. Кейд поднял бровь.

– В прошлом году я заработала больше ста тысяч, торгуя через Интернет.

Он одобрительно присвистнул:

– Это здорово.

– Думаю, в этом году смогу заработать вдвое больше, после того как открою шоу-рум.

Значит, она двигалась не только вперед, но и вверх. Что ж, тем лучше для нее. Даже самому себе Кейд ни за что не признался бы, как его обрадовало, что успехи Джессики не подразумевали появления нового парня.

– Мой адвокат советует покончить с неопределенностью.

Ему не без труда удалось сохранить спокойствие, когда к нему применили эпитет «неопределенность».

– Чего опасается твой адвокат? Что ты добьешься сумасшедшего успеха, и я, как твой законный супруг, потребую себе половину бизнеса?

– Полагаю, возможны разные странные вещи.

– Я думаю, в случае предъявления взаимных претензий мой бизнес потянет не меньше твоего.

– Мы оба знаем, что твоя компания стоит в сотню раз больше моего скромного бизнеса. Дело не в этом.

– Тогда в чем? – Кейд, прищурившись, смотрел на нее. Он так хорошо ее знал. И понимал, что она чего-то недоговаривает.

– Кейд, у нас даже нет соглашения о разводе. Этот дом принадлежит нам обоим. И все, что в нем есть. Ты даже не взял ничего из мебели. Со всем этим надо разобраться.

Он пожал плечами и взглянул на *их* дом, маленький, нуждавшийся в ремонте домик, в который она когда-то влюбилась с первого взгляда.

«Он похож на домик Белоснежки», – мечтательно говорила она.

Он совсем не был похож на домик Белоснежки. Если не считать декоративных ставней с вырезанными на них сердечками, дом представлял собой незатейливый, безобразно оштукатуренный куб. Единственное, что роднило его с домиком Белоснежки, – это необходимость держать семь гномов на полный рабочий день, чтобы помогали с нескончаемым ремонтом.

С тех пор как он ушел, Джессика ничего не делала с его внешним видом. Из-за того что на большее не хватало денег, они взяли напрокат краскопульт и выкрасили штукатурку в белый цвет. Ставни и дверь остались светло-голубыми. Теперь косметические изменения уже исчезали.

Интересно, изменилось ли что-нибудь внутри? Кейду вдруг захотелось узнать, насколько далеко она ушла от прошлого. Почувствовал, что ему необходимо это понять.

Достав из кармана ключи, он удивился.

– Надо же, у меня завалились ключи.

И уже в следующее мгновение помог Джессике войти. Ему казалось, что с ее стороны было бы разумно убрать из дома любое напоминание о нем.

Но она была женщиной, сцепившейся с грабителем, и не делала разумных вещей.

Их дом почти не изменился. Джессика не пыталась убрать то, что напоминало о нем. Сохранила диван, они выбирали его вместе, и потертую старинную скамью, которую ей нравилось использовать как кофейный столик. Даже не избавилась от огромного кресла с откидной спинкой, обитого бордовой искусственной кожей. Кейд считал, что его надо выбросить. Когда к ним приходили гости, она любовно называла его царь-креслом и даже дала ему имя Бегемот.

Собственно говоря, насколько Кейд смог заметить, единственное изменение состояло в том, что теперь на стеклянном столике стояла только ваза с тюльпанами. И он не был завален журналами про детей. А еще над камином больше не висели ее любимые свадебные фотографии в разномастных рамках. Краска под ними не успела выгореть, и теперь на том месте, где горделиво красовалась их любовь, осталось шесть пустых прямоугольников.

Камин на самом деле никогда не работал. Кейд помнил восторг, когда они попытались разжечь его, после того как выпал первый снег. Но из печи в дом пошел такой черный дым, что пришлось, смеясь, спасаться бегством. В память о том случае на полу перед камином так и осталось большое черное пятно.

Он провел Джессику на кухню, в заднюю часть дома. Когда-то они надеялись, что сломают стену и получится открытое пространство, однако не сложилось. Кейд заставил ее сесть за стол – еще один предмет мебели, который они раздобыли вместе в магазине секонд-хенд,

куда любили заглядывать по утрам в субботу. Не спрашивая, он налил ей воды, найдя стаканы там же, где они стояли раньше.

Кейд вспомнил, как они пытались перекрасить дубовые шкафчики в белый цвет в надежде придать кухне более современный вид. Получился сущий кошмар. Они заснули, прижавшись друг к другу, рядом с буфетом, измученные и вымазанные краской сильнее, чем шкафчики, которые выглядели просто ужасно. Старые жирные пятна проступали сквозь белую краску. С тех пор они больше не пытались закрасить их. Собственно, они нравились ему такими, напоминая, как они смеялись над своим неумением, пытаясь увернуться от летевшей во все стороны краски. Кейд предположил, что Джессике они, похоже, тоже нравятся.

Воспоминания резанули его как острый нож.

Глава 5

Но, конечно, счастливые воспоминания об ужасах ремонта относились к тому времени, когда проблемы еще не начались. После того как Джессика обнаружила, что беременна в первый раз, ремонт сразу же прекратился.

Химикаты. Пыль. Риск наткнуться на мышинные какашки.

Джессика глотнула воды и посмотрела на него поверх края стакана.

– Нам надо принять решение по поводу дома.

– Можешь считать его своим, – сказал Кейд. – Мне он не нужен.

– Кейд, я не хочу, чтобы ты отдавал мне дом, – ответила она с раздражающим спокойствием, будто объясняла третьекласснику таблицу умножения. – Я действительно не хочу этот дом. Мне бы хотелось получить половину его стоимости и съехать отсюда.

Она отказывалась от дома с неработающим камином и брызгами смеха, застывшими в каплях краски? Несмотря на многочисленные изъяны, она всегда любила его.

С ней явно происходит что-то такое, о чем она ему не рассказывала. Кейд всегда знал, когда она что-то скрывала. Джессика совсем не умела хранить секреты.

– Я просто перепишу на тебя свою половину, – повторил он.

– Я не хочу, чтобы ты мне ее отдавал.

Теперь она походила на сумасшедшую. Точно так же, как последние месяцы их совместной жизни. Что бы он ни сказал, все принималось в штыки.

– Это просто смешно. От дома никто не отказывается.

– О'кей, тогда дарю его тебе.

– Почему с тобой так сложно?

Кейд не мог поверить, что с его губ слетели эти слова. Их самая любимая строчка из «Красавицы и чудовища». В самом начале их совместной жизни все споры заканчивались тем, что один из них говорил эту фразу.

На миг в глазах Джессики блеснуло что-то подозрительно похожее на слезы, но уже в следующий момент губы сжались в упрямом выражении «сейчас говорить со мной бесполезно».

– Неужели мы даже развестись нормально не можем? – спросила она устало и, утонув в кресле, закрыла глаза.

– Что ты имеешь в виду? – Он тут же пожалел об этих словах.

Конечно, она имела в виду то, что они не смогли *нормально* завести ребенка.

Но, к счастью, Джессика промолчала.

– Нормально означает, что мы должны были бы драться за имущество, а не пытаться спихнуть его друг другу.

– О, простите меня, – с сарказмом произнес он. – Я не читал книг о том, как правильно разводиться. И это мой первый развод. – Однако, взглянув на нее, он заметил, что она слишком бледна. – Тебе нехорошо, верно?

– Да, – призналась она.

– Отложим этот разговор до лучших времен.

– Почему именно ты всегда должен решать, что *нам* делать?

Он не стал спорить, хотя его это задело.

– Послушай, у тебя выдалось тяжелое утро, сейчас ты под действием очень сильного обезболивающего.

Джессика вздохнула.

– Думаю, в ближайшие сорок восемь часов тебе не стоит принимать никаких важных решений.

– Я прекрасно могу принимать любые решения.

– Ты только что отказалась от дома. Это ясно доказывает, что ты не в состоянии мыслить здраво.

– Просто я не нуждаюсь в твоей благотворительности! У меня тоже есть гордость, Кейд. Нам надо продать дом. Половину денег возьмешь ты, половину я.

Пожав плечами, он оглянулся вокруг:

– Ты хоть что-нибудь здесь починила?

Ее сердитое лицо выдало больше, чем она хотела.

– Здесь ничего не отремонтировано, – тихо произнес Кейд. – Ручка в туалете по-прежнему болтается, и ты до сих пор ставишь ведро в гостевую спальню, где течет крыша. На полу можно получить занозу, потому что ты отказываешься его менять, хотя постелить новый гораздо дешевле, чем приводить в порядок этот.

– Поэтому я и хочу его продать, – резонно заметила Джессика. – Дом не пригоден для одинокой женщины.

Кейд снова почувствовал, что она чего-то недоговаривает.

– Хорошо, мы поговорим о продаже дома, – пообещал он. – Возможно, сможем получить за него больше, если кое-что подправим. – Заметив, что слишком легко использует слово «мы», он поспешил поправиться: – Давай я заеду на неделе? Быстро осмотрю дом и напишу список того, что нужно отремонтировать обязательно, а потом найму мастера, который это сделает. Моя помощница сейчас как раз ищет кого-нибудь, чтобы починить дверь в твоём магазине, так что посмотрим, как он справится там, и решим.

– Я думаю, список того, что надо сделать, отлично может составить риелтор.

Она уже говорила с риелтором. Он пожал плечами, будто не чувствовал себя задетым ее решимостью избавиться от этого напоминания о *них*.

– Твой риелтор хочет на тебе заработать. Сомневаюсь, что стоит во всем доверять его советам.

– А твоим стоит?

Он считал, что заслуживает этого.

– Ладно. Делай как знаешь, – согласилась Джессика. – Я заплачу мастеру половину. Как думаешь, когда ты сможешь прийти, чтобы составить список? Может, завтра, пока я буду на работе?

Кейд умолчал о том, что не уверен, сможет ли она завтра пойти на работу. Ее лицо казалось бледным и изможденным, тело устало тонуло в кресле. Что бы она ни говорила, сейчас явно не время для споров.

– Я отведу тебя в постель, ты слишком устала сегодня. О доме мы поговорим позже. – Кейд заметил, что старательно избегает слова *развод*.

– Да, я очень устала. Мне действительно надо лечь. Но провожать меня в постель не надо. – Она положила здоровую руку на гипс, тут же вздрогнула, почувствовав неожиданную боль в груди.

– Сомневаюсь, что ты в состоянии сама раздеться.

Джессика задумчиво посмотрела на загипсованную руку. Только в этот момент Кейд осознал, что ей светит в ближайшие четыре недели, когда даже простая задача снять одежду и надеть пижаму превратится в проблему.

– Я лягу в одежде, – заявила она.

– Но рано или поздно придется придумать, как раздеваться. Сколько времени ты будешь в гипсе?

– Месяц. – Ее лицо исказилось от ужаса, когда она осознала свое положение.

– Давай я просто помогу тебе на первый раз.

– Нет, ты не будешь помогать мне раздеваться. – Она испугалась.

Кейд и сам почувствовал себя несколько шокированным, когда представил, как блузка соскальзывает с ее худеньких плеч, и постарался отмахнуться от знакомого огня, который всегда разжигала в нем Джессика. Ради бога, она же нездорова.

Ему потребовались невероятные усилия, чтобы преодолеть нестерпимое желание прикоснуться к ней и заставить свой голос звучать спокойно и рассудительно.

– О'кей, – не спеша произнес он, – значит, ты не хочешь, чтобы я помог тебе раздеться, хотя раньше я делал это десятки раз. Тогда что ты предлагаешь?

Джессика густо покраснела и от этого разозлилась. Бросила на него гневный взгляд, потом уставилась на свой рукав, туго натянутый поверх гипса, и, похоже, поняла, что с этим препятствием справиться не удастся.

– Неужели придется разрезать рукав? Но я так люблю эту блузку! – Джессика встала. Кейд был уверен, что она сделала это главным образом для того, чтобы оказаться к нему спиной. Дойдя до кухни, она открыла шкафчик, где всегда держала ножницы. – Что, если разрезать его по шву?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.